

— Отпусти меня!!! — рычал Шимура Дандзо, словно безумный зверь, судорожно извиваясь и раздуваясь от ярости. Но вокруг стояли джоунины, крепко сжимая его руки и не давая ему пробиться. Они лишь усилили давление, подавляя Шимура Дандзо. Дандзо, неспособный сформировать связующий знак и использовать Изанаги, жалел, что попал в эту ловушку. Учиха Шисуи и окружающие джоунины не обращали на него внимания. Он мог только безудержно кричать на стоящего рядом с ним Сарутоби Хирузена: — Хирузен! Ты пожалеешь об этом! Заставь его остановиться! Остановите!!! Сарутоби Хирузен достал свою трубку, глубоко вздохнул, смешав чувства радости и грусти, и выпустил белый дым. Он казался очень опечаленным. Ни соглашаясь, ни останавливаясь, он просто проявил свое обычное покорное согласие. Вскоре бинты на правом глазу и правой руке Шимура Дандзо были сняты, открывая шесть Шаринганов, которые выглядели очень странно, полны таинственной причудливости. Четыре из них были закрыты. Один был нанесен в результате неожиданной атаки на Учиху Шисуи, а три других были поражены статическим огнем Учихи. В первый момент, когда он увидел эти глаза, Учиха Шисуи зафиксировал взгляд на двух парах Шаринганов на предплечье. На мгновение он почувствовал, будто видит родителей Учихи Сидзю. Внезапно его глаза покраснели. Это их глаза! Точно их глаза! — Дядя Цинфэн, тетя Цзинья... — Учиха Шисуи не смог сдержать слез. Он протянул руку и направился к глазу Шимура Дандзо на предплечье. Такое действие поразило джоунинов. — Шисуи... — Они хотели остановить его, но не нашли слов для этого. Беспокоились о повреждении глаз? Боялись, что люди уже ушли. Беспокоились о повреждении Дандзо? Они не испытывали ни малейшей жалости к человеку, который копается в могилах предков. Даже Сарутоби Хирузен стоял в стороне и молча наблюдал, как Учиха Шисуи вырывал Шаринганы один за другим, даже те, что потускнели и поблекли. Все просто позволили Дандзо кричать и ругаться, прикрывая уши. После вырывания глаз грусть в сердце Учихи Шисуи была как бесприютная водоросль в бурных волнах, полностью одинокая. Он вернул глаза дяди Цинфэна и тети Цзинья, но они никогда не вернутся. Отчаянная боль и туман в сердце сделали его мысли пустыми, и он больше никого не видел. Он не знал, о чем думал. Вся личность была растеряна. Как будто блуждающий мертвец шел, приближаясь к чему-то. Пока... маленький мальчик с плоской головой не улыбнулся ему. — Брат? — Знакомый голос вернул Учиху Шисуи в реальность. — Тихий огонь! — Он тут же открыл глаза и увидел лес вокруг него. Он не знал, как оказался здесь, но ясно видел тусклые глаза Учихи Сидзю перед собой. Он... он ослеп... — Сидзю... ты... я... я... — руки Учихи Шисуи дрожали, слезы текли по его лицу, полные боли и сожаления. Если бы он не случайно вырвал глаза у Шимура Дандзо, как бы Сидзю не ослеп! Дядя Цинфэн и тетя Цзинья были убиты им, а теперь даже глаза Цзиньху... — Прости... прости... прости... — Учиха Шисуи крепко сжал рукава Учихи Сидзю и визжал, словно ребенок. Учиха Сидзю едва улыбнулся. — Брат, я просто Шаринган. Без глаз я все равно буду сильным. — Учиха Шисуи думал, что Учиха Сидзю просто успокаивает его. Но то, что сказал Учиха Сидзю, было правдой. Хотя режим чакра стихия огня был усилен его жертвой для Сусаноо, ему не составило труда выучить режим чакра стихия огня самостоятельно, так как у него был опыт с режимом чакра стихия огня. Что касается того, что он видит, он может воспринимать это, рассеивая чакру. Хотя мир становится серым, глаза не нужны. Хотя в этот раз он не смог убить Дандзо, уничтожение корней и возвращение глаз Учихи Шисуи все же позволило Учихе получить некоторое представление о его угасающем огне разума. Он обернулся и посмотрел в сторону центра деревни, показав усталый смех и намек на свирепость. — В следующий раз я обязательно убью Дандзо! — Учиха Сидзю поставил перед собой цель. Затем его ум расслабился. Учиха Сидзю, который испытал боль, казавшуюся разрывающей все клетки в его теле, и полностью истощившую свою силу глаз, наконец, упал, не выдержав. Вся личность была полна бессилия и опустошения. — Тихий огонь! — Учиха Шисуи запаниковал. К счастью, после некоторого исследования оказалось, что он просто слишком устал и заснул. — Тихий огонь... — Учиха Шисуи был очень опечален, но не мог заплакать. Он чувствовал себя так подавленно, так больно, что почти задохнулся. В своем уме он вдруг вспомнил, что когда-то как шутку сказал

Учиха Сидзю — «Брат, разве ты не хочешь стать главой клана?» Он крепко обнял Учиху Цзиньху, и Шаринган в его левом глазу стал более сложным и загадочным из-за изменения мыслей.... В первый момент возмущения в центре деревни многие ниндзя в деревне бросились туда. Даже Учихи, которые проводили митинг, хотели туда броситься. То огромное красное череп

<http://tl.rulate.ru/book/112723/4474437>